

ВЫСКАЗЫВАНИЯ «ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© 2012 Р. В. Лопухина

докт. филол. наук,
зав. каф. РКИ, доцент
e-mail: rvlopukhina@rambler.ru

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

В статье рассматривается специфика синтаксических построений в русском языке, выражающих различные значения, но тесно связанных друг с другом, являющихся необходимым дополнением друг друга. К таким значениям относятся уступительные, противительные, причинные и следственные значения. Высказывания подобного рода, именуемые высказываниями «обманутого ожидания», являются довольно распространенными в устной речи и в художественной литературе.

Ключевые слова: синтаксические построения, семантический уровень, уступительные, противительные, причинные, следственные значения, высказывания «обманутого ожидания», значение несоответствия.

Исследование семантики некоторых синтаксических построений в русском языке выявило такие, кажущиеся различными, значения, которые тесно связаны друг с другом и сопровождают одно другое. Речь идет о значениях уступительности, противительности, причинности и следствия (например: «*Хотя час был поздний, никто не спал*»). Высказывания подобного рода, именуемые в современном языкознании высказываниями «обманутого ожидания», имеют долгую лингвистическую традицию изучения.

Можно отметить три очень близких, но все же отличающихся друг от друга, подхода к семантическому анализу причинности – уступительности.

В первом подходе обращается внимание на взаимодействие этих четырех значений в едином «поле причинности». В чистом виде причинно-следственная связь определяется как движение от основания к следствию или от следствия к основанию, то есть как связь, лишенная альтернативы, – противительности, уступительности, временной последовательности, условия и др.: *Он не пошел на работу, так как заболел. Он заболел, поэтому не пошел на работу.* Связь же уступительного значения с причинным состоит в утверждении некоторого несоответствия следствия своей причине. Ожидаемая причинно-следственная связь остается нереализованной, причина противоречит своему следствию, ожидаемому по законам причины и следствия. Как отмечает Р.М. Теремова, уступительные отношения – это особого рода причинно-следственные отношения, отношения немотивированности одного явления другим, недостаточного основания и совершающегося вопреки его фактического следствия, противоположного ожидаемому [Теремова 1986: 72].

Семантическое значение несоответствия, порожденное противительным значением, формируется столкновением различных факторов, включающих, например, такие противоречащие друг другу семантические константы: «всегда – в данном случае», «раньше – в данном случае», «обычно – в данном случае» и др., где «всегда», «раньше», «обычно» есть некая общая семантическая константа, представляющая собой общее суждение, которое как необходимое следствие в

данном случае нарушается («Обычно в час поздний все спят, *однако* никто не спал»).

Противительный компонент является обязательным элементом уступительного значения, а уступительные союзы часто сопровождаются противительными союзами («*Хотя* час был поздний, *однако* никто не спал»). Следовательно, противительные союзы являются потенциальными носителями уступительного значения, то есть во многих случаях при поддержке контекста передают информацию «хотя», а уступительное семантическое значение несет в себе обязательное противительное значение. Уступительные отношения представляют собой модификацию каузального значения, соединенного с противительным контекстом. Результат этого соединения – нереализованная обусловленность: сообщаемое в одной части предстает как потенциальная причина, отвергнутое основание (неблагоприятствующее условие, препятствующее обстоятельство и т.п.), т.е. так или иначе – как фактор, оказывающийся недостаточным основанием для того, чтобы отменить ситуацию, о которой сообщается в другой части [Ляпон 1986: 137].

Хотя большинство исследователей подчиняет уступительные значения причинным и вследствие этого анализирует их внутри причинных значений, лишь некоторые лингвисты рассматривают семантическое значение «уступительности» с позиций логических категорий как основание (условие) и его следствие.

Существует и третий, более дифференцированный подход к исследованию уступительного значения: он связан с исследованием референциальных аспектов синтаксической семантики, с понятием презумпции (пресуппозиции) в лингвистической семантике (это направление возглавляют работы Е.В. Падучевой).

Так, по мнению Г.Е. Крейдлина и Е.В. Падучевой, например, противительный союз *а* выражает презумпцию несоответствия второго компонента естественным следствиям из первого – это противопоставительное значение: «Дело к весне, *а* мороз все жестче», «Соня дурнушка, *а* глаза у нее красивые». Это «*а* несоответствия» употребляется в предложениях несоответствия [Крейдлин, Падучева 1974: 33].

Ю.Д. Апресян полагает, что компонент «несоответствие ожидаемому» входит в значение союзов *но* и *but* как слабый факультативный компонент [Апресян 1974: 124–125].

В.З. Санников обобщает основные результаты лингвистического исследования высказываний «обманутого ожидания». Он пишет: «...В конструкциях с союзом *но* следует видеть не неожиданность, малую вероятность или необычность, а несоответствие норме, нарушение нормального хода событий» [Санников 1989: 153]. Анализируя союз *но*, В.З. Санников описывает «типы ситуаций» с этим союзом: «... Употребление союза *но* абстрагировано от конкретных ситуаций и связано с самыми абстрактными и общими типами ситуаций или некоторыми общими принципами, отражающими мироощущение человека». Таким образом, как отмечает автор, «... существует общепринятое и закрепленное в языке представление о нормальном ходе событий; в случае союза *но* нормальный ход событий нарушен наличием ненормального У-а» (У противопоставлен Х-у) [Санников 1989: 161].

Некоторые исследователи аналогичные предложения несоответствия относят к «логике здравого смысла». Предложение с *но* («Зима, *но* идет дождь») имеет скрытое противоречие, «которое может быть реконструировано путем логического вывода. Речь идет об обыденной логике, так называемой «логике здравого смысла». В таком случае союз *но* связывает два предложения – *а* и *в*,

таких, что из *a* выводимо *не-в*, либо из *в* выводимо *не-а*, либо существует такое *с*, что из *a* выводимо *с*, а из *в* – *не-с*.

И.Левин справедливо считает, что союзы, более чем какая-либо другая группа слов, выражают логические отношения. Но в то же время он ошибается, полагая, что для их описания недостаточно аристотелевской логики или какой-либо другой формальной логики. Это логика «обыденного здравого смысла» [Левин 1970: 74].

Таким образом, предложение типа «Он болен, *однако* не пошел к врачу» постулирует презумпцию «Он должен пойти к врачу». Но говорящий отвергает эту презумпцию. В каждом предложении, содержащем уступительные союзы *тем не менее*, *однако*, *но*, *а* и др., отвергается обычная презумпция и вводится ложная: «Все больные *не* идут к врачу».

Необходимо уточнить, как соотносятся между собою уступительные, противительные, причинные и следственные семантические значения на логическом уровне, почему эти значения так тесно связаны друг с другом. В чистом виде причинно-следственная связь между придаточным и главным предложениями (*Так как* час был поздний, *поэтому* все спали) – это логическое движение мысли от основания к следствию. Напротив, придаточные предложения с уступительным значением (*Хотя* час был поздний, *однако* никто не спал) сообщают о причине действия, следствие которого должно быть противоположным ожидаемому. Мы имеем дело со значением «вопреки ожиданию», которое на уровне логики имеет значение «вопреки логике» или более конкретно – «вопреки логическому основанию». Следовательно, в уступительных и противительных семантических связях утверждается несовместимость двух логических суждений, образующих единое сокращенное умозаключение (энтимему), между которыми устанавливается ситуация взаимоисключения. Главную роль как источник этого противоречия здесь играют уступительные союзы (*хотя*, *хоть*, *несмотря на то, что* и др.), которые автоматически устанавливают нелогичность действия, выраженного в семантике главного предложения – в логическом заключении. Такие сложноподчиненные предложения суть языковая форма выражения умозаключения или силлогизма, который в логике называется «антилогизмом».

«Антилогизм ... – это понятие логики, характеризующее несовместимость посылок категорического силлогизма с отрицанием его заключения или вывода. В основе антилогизма лежат законы логического основания, согласно которым следствие не может быть ложным, если истинны посылки» [Кондаков 1975: 43]. Это силлогизм с противоположным по качеству заключением, то есть «антизаключением», создаваемым за счет употребления в нем или предиката восстановленной большей посылки (или его синонима), но с отрицанием, или антонимического этому предикату понятия, но без отрицания.

Анализ уступительных отношений с точки зрения теории презумпции в лингвистической семантике, наиболее полно раскрывающий сущность исследуемого явления по сравнению с чисто описательными семантическими методами, не является завершающим этапом исследования семантики уступительности. Он требует формализации на более абстрактном и более глубоком – силлогистическом – уровне, ибо естественный язык служит выражению форм мысли, что и приводит к необходимости исследования форм умозаключений, которые вплетены в ткань естественного русского языка как в форме силлогизмов, так и в форме их противочленов – антилогизмов.

Антилогизмы есть более высокая – логическая – абстракция уступительного семантического значения и более глубокое проникновение в ее

сущность, потому что они, во-первых, восстанавливают элиминированную в языке, но присутствующую в мыслях большую посылку умозаключения, являющуюся связующим мыслительным звеном между силлогизмами и антилогизмами; во-вторых, они учитывают наличие-отсутствие отрицаний как в придаточном (меньшая посылка), так и в главном предложении (заключение), которые определяют качество суждения и, следовательно, образуемый ими модус.

Различное сочетание «наличия-отсутствия» отрицания «не» в каждой из двух частей («причина – следствие», «уступка – следствие») пресуппозированной формулы *«Хотя (не)…, и потому, вообще говоря, должен (не)…; между тем (не)…»* приводит к построению различных типов силлогизмов и антилогизмов: *«Профессия редкая, вредная, однако с коротким рабочим днем и бесплатным молоком для укрепления здоровья»; «Неправдоподобно вежливый, он всем говорил, что «вы», но при этом был невероятно ехиден»* (Л.Улицкая).

Таким образом, естественный язык кроме указанных обычных силлогизмов в соответствующих формах может выражать антилогизмы тех же модусов, но с контрадикторным суждением в функции заключения.

Эти логические причинно-следственные отношения маркируются в русском языке причинными союзами *так как, потому что*; в заключении (главное предложение или простое предложение в составе сложносочиненного предложения) – автоматически, независимо от их лексического наполнения, выражают антилогизмы. Противительные союзы там, где они участвуют в конституировании антилогизмов, выполняют ту же логическую функцию, что и уступительные союзы: они являются их логическими синонимами. Их различие на уровне языка состоит в структурно-грамматических признаках: первые – сфера самостоятельных или главных предложений в составе сложных, вторые – сфера придаточных предложений. Их различие на уровне логики состоит в том, что противительные союзы – это логические маркеры антизаключений, а уступительные союзы – это логические маркеры меньшей посылки антилогизма.

Каждый из четырех типов синтаксических построений и каждое из четырех формально логических средств выражения антилогизмов реализуется в живом языке в огромном множестве индивидуальных вариантов.

Логический, в частности силлогический, анализ показал, что семантическая интерпретация уступительных союзов не может считаться завершающим этапом их исследования. Естественный язык служит выражению форм мысли, логике, умозаключениям: это приводит нас к необходимости исследовать формы умозаключений, в частности обнаруженные в естественном языке модусы Barbara, Celarent, Camestres, так как именно умозаключения этих модусов вплетены в ткань естественного языка как в форме силлогизмов, так и в форме их противочленов – антилогизмов.

Возникает вопрос, для чего нужны антилогизмы в живом русском языке, чему служат значения «обманутого ожидания», «нарушения нормального хода событий»? Формальная логика как наука о формах мысли, законах непротиворечивого мышления использует совершенно определенные языковые построения, в том числе и формальные языковые средства, являющиеся в то же время логическими маркерами силлогизмов и антилогизмов, которыми она однозначно может выражать умозаключения любых модусов. Логика построена на однозначных, принудительных правилах и в этом смысле она стоит как бы по ту сторону человека с его противоречивой практической деятельностью, его процессом мышления. Человек же не запрограммирован в своей деятельности и в своем мышлении как логический автомат, и он постоянно сталкивается с такими жизненными ситуациями, которые не укладываются в «прокрустово ложе»

логических исчислений. В этом лингвисты уже убедились на многочисленных примерах при исследовании логической структуры естественных языков. Они более гибко, чем логика, выражают одну и ту же форму мысли множеством языковых форм, переставляя местами причину и следствие, сокращая материальную форму выражения логических категорий до минимума, но тем не менее позволяя говорящему выразить любую логическую форму.

При анализе фактического материала мы встретились с регулярным нарушением логически правильно построенных силлогизмов, но нарушенных по определенным правилам – суждениями в функции заключения, в котором все поставлено «с ног на голову»: *«Несмотря на нелепость текста в этой несущейся сквозь зимнюю ночь песне было что-то завораживающее и древнее...»* (В. Палевин).

Ю.С. Степанов отмечает, что «Пруст был тонким наблюдателем языка вообще, логики языка, и ему принадлежит, например, замечательное маленькое открытие, которое одобрили бы сторонники «глубинных семантических структур» – союз *несмотря на то что* «скрывает под собой» союз *потому что*: «Моя мать восхищалась, что он был столь точен, несмотря на то, что столь занят; столь любезен, несмотря на то, что столь избалован светом; ей не приходило в голову, что «несмотря на то, что» – это всегда неопознанные «потому что...» [Степанов 1985: 274].

Русский язык обладает богатством форм не только для выражения «правильных» дедуктивных умозаключений (силлогизмов), но и богатством форм для преднамеренного выражения «неправильных» силлогизмов, то есть антилогизмов как отражения противоречий материальной действительности, взаимодействия человека с этой действительностью и взаимодействия человека с человеком. Жизненные ситуации заставляют языковую личность прибегать к построению антилогизмов как особого рода умозаключений, отличных от силлогизмов: *«Военные историки нашли у Толстого множество ошибок в описании Бородинской битвы, а весь мир все равно видит ее именно такой, как описал ее Толстой в «Войне и мире»;* *«Жизнь, несмотря на то, что они могли считаться хорошо устроенной семьей, была непростой: слишком много скрытого недовольства копилось у матери с дочерью»* (Л. Улицкая).

Возможность выразить антилогизмы человек реализует средствами естественного языка по законам формальной логики, законам, которые иногда оказываются «перевернутыми». Но формальная логика и здесь стоит на страже: умозаключение должно быть прежде построено правильно (сознательно или бессознательно) как простой категорический силлогизм, как умозаключение «нормального хода событий» и лишь затем говорящий строит свои антилогизмы, исходя из логических «норм нарушения» силлогизмов.

Библиографический список

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Крейндлин Г. Е., Падучева Е. В. Значение и синтаксические свойства союза *а* // НТИ. Серия 2. М., 1974. № 9. С. 31–37.
- Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
- Левин Ю. И. Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13, МГПИИЯ. М., 1970. С. 64–88.
- Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

Термова Р. М. Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке. Л., 1986.

Санников В. З. Значение союза но: нарушение «нормального» положения вещей // СЛЯ. 1986. № 5. С. 433–444.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.